

ка убежала и он не успел ее убить. И тут наш герой натывается на такого же мальчика с автоматиком — пугается, пьтится, пьтится, пьтится. Раздаются выстрелы, он падает окровавленным. Подбегает второй мальчик, кричит: «Парень, ты чего?» «Раненый» ребенок оглядывается, а вокруг ничего не изменилось. Он берет пистолет и об стенку — хрясть.

Время влияет на сюжеты «Ералаша»?

Конечно, влияет, но не очень сильно. После перестройки произошло мощное изменение в сознании. Раньше я говорил: «Мы и так все сняли». Сейчас я понимаю — появились темы, которые я раньше даже не мог себе представить. Возникла какая-то внутренняя свобода. Я помню, двадцать лет назад мы придумали такой сценарий: леший повязывает себе пионерский галстук на лицо. Как ковбой. И все мои знакомые режиссеры начали на меня шипеть: «Как это? Святая святых! Издевательство над пионерским галстуком!» Вот такая была психология у людей. Так что теперь я понял, что находить новые способы и формы, при этом оставаясь на стороне детей, можно всегда. Раньше мы правдами и неправдами избегали показывать взрослую настоящую жизнь, с ссорами, с глупостью. Дураком мог быть только какой-нибудь старший брат, выдуманный из головы, пионервожатый, но не папа с мамой. Сегодня — все что угодно. Например, недавно у нас был сюжет: сын учит стихи, а отец за любую ошибку заставляет его отжиматься от пола. Постоянно называя цифру: пять, десять. И в это время входит мама. Говорит отцу: «Что делаете? Уроки? В химичку сходил? Так, пять. Посуду не вымыл? Еще пять. Итого пятнадцать. Что стоим, кого ждем, упал, отжался». И папа отжимается следом за сыном.

*(Я думаю,
этот юмор
пришел к нам
вместе с
христианством.
Помните,
на любой вопрос
Иисус Христос
всегда отвечал
какой-то
притчей.
А ты уже сам
думай, что
он имел в виду)*

Кстати, с этим сюжетом связана потрясающая история. Маму играет артистка, которая двадцать пять лет назад играла маленькую девочку в «Ералаше». Помните, она еще так намазалась губной помадой, что напугала выдавших виды жуликов.

Дети меняются?

Нет. Такие же. Изменился скорее зритель. Он очень сильно поумнел. Когда мы начинали делать наш журнал, то ориентировались на десятилетних детей. Это в каком-то смысле золотая середина, позволяющая заинтересовать и тех, кто чуть младше, и тех, кто чуть старше. Долгое время так оно и было. За последние годы ребенок развился очень сильно. Он стал более свободным. У него появился телевизор, журналы, картинки. И теперь я вижу, что «Ералаш» начинают смотреть дети с пяти, а иногда и с четырех лет. И они все понимают.

На «Ералаш» когда-нибудь влияла цензура? Были ли запретные темы? Может быть, появились сейчас?

Не знаю, можно ли это назвать цензурой, но сейчас на телевидении просят избегать в сюжетах взрывов, пожаров. Доходит до глупости. Однажды из журнала вынули сюжет «Прощай, оружие». Как мне потом объяснили, в тот день были выборы президента Чечни. Первое время я очень возмущался. Говорил, что мои сюжеты как раз против войны, против выстрелов, а «Прощай, оружие» вообще самый главный пацифистский... Ну что говорить с дураками. В другой раз то же самое произошло с сюжетом про пожар. Приходит школьник в школу, а ее нет. Он спрашивает: «А школа-то где?» «Сгорела школа, — говорит дворник. «Че-че?» — переспрашивает маль-

